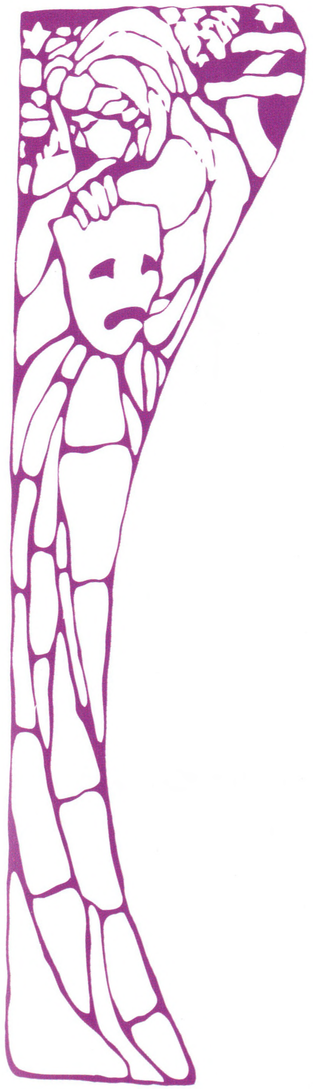


коллекция

ВЕЛИКИЕ ИСПОЛНИТЕЛИ

том

1

МЕЛОДИЯ

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

ФАИНА РАНЕВСКАЯ

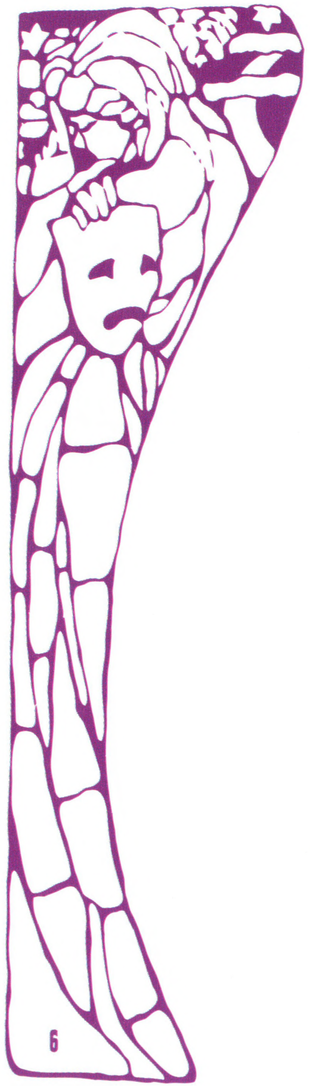
(1896–1984)

А.П. ЧЕХОВ
Индейский петух
Драма
Неосторожность

Н.С. ЛЕСКОВ
Воительница
(фрагменты)

Фаина с братом
Год неизвестен

«Я могла бы сделать гораздо больше и в театре, и в кино, если бы мне предоставили такую возможность», – сказала великая Фаина Раневская в одном из своих последних телеинтервью.



Актриса, чьи шутки мгновенно улетали в народ и становились афоризмами, сыграла до смешного мало. Раневская не раз говорила, что в театре ей так и не удалось высказать то, о чем ей хотелось сказать. Театральные режиссеры только под конец жизни сумели разглядеть трагическое дарование актрисы. В спектакле «Дальше тишина», предпоследнем в ее творческой биографии, где Раневская и Ростислав Плятт играли пожилую супружескую пару, которую разлучают уже

повзрослевшие дети, отправляя мать в приют для престарелых, актриса играла на такой трагической ноте, что зрители все время прижимали к глазам носовые платки. Но никто из театральных режиссеров никогда не предлагал Фаине Георгиевне сыграть Раневскую из чеховского «Вишневого сада», в честь которой актриса еще в юности выбрала себе сценический псевдоним.

Почему случилось так, что «дочь небогатого нефтепромышленника» (этой фразой начинались

так и не опубликованные мемуары Раневской), едва ли не одна из самых богатых наследниц Таганрога, наделенная уникальным актерским талантом, пожертвовала для сцены всем, но ничего не получила взамен? Что заставило ее сказать незадолго до смерти: «Я родилась недовыявленной и ухожу из жизни недопоказанной. Я недо...»? Ведь Фаина Георгиевна фактически отреклась от своего прошлого, рассталась с семьей, которая в 1917 году на собственном пароходе «Святой

Фаина Раневская с сестрой Беллой в Крыму
1918 г.

Николай» бежала в Турцию. Актриса обрекла себя на лишения и одиночество. Став взрослой, часто голодала, даже немало зарабатывая, жила очень скромно, страдала от воровства домработниц и могла отдать полученный за съемки гонорар практически незнакомым людям. Только под конец жизни Раневская стала жить в отдельной квартире, но частенько оставляла открытой дверь на лестничную площадку, чтобы любимая собака Мальчик могла свободно гулять, и потому, что красть из ее квартиры было нечего.

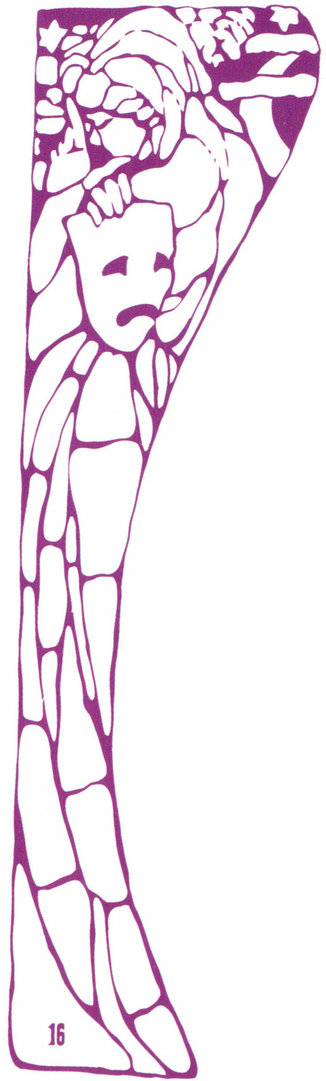
Возможно, это произошло из-за отсутствия подходящих пьес и нежелания «плавать стилем баттерфляй в дачном сортире», – этот афоризм Раневской точнее всего определяет уровень большинства ставившихся тогда советских пьес. Из-за нелюбви Раневской к режиссерам. На вопрос, кого она считает лучшим из режиссеров, актриса отвечала: Александра Сергеевича Пушкина и называла лучшим режиссерским указанием фразу Лауры из «Каменного гостя»:

Фаина Раневская на гастролях во Владивостоке
1938 г.

«Слова лились, как будто их рождала не память рабская, но сердце». Или из-за невероятной требовательности Фаины Георгиевны и к себе, и к искусству, которым она занималась. Она не раз говорила, что «не знала успеха у себя самой», называла собственные ордена «похоронными принадлежностями» и всегда волновалась перед выходом на сцену. Считала, что равнодушие ее коллег губит театр и жалела о том, что из театра ушел «трепет – самое главное для актера». По этим или

по другим причинам театральная судьба Раневской сложилась неудачно. Она кочевала из одного театра в другой. Успела поработать и с великим Александром Таировым в Камерном театре, и с Юрием Завадским в Театре им. Моссовета (последнего она однажды в шутку назвала Гертрудой). Среди ролей Фаины Георгиевны есть даже Манька-спекулянтка в «Шторме» Билль-Белоцерковского, который в своей пьесе воспел революцию. Но она все время была недовольна собой.

«Я раздавила Завадского» (Ф. Раневская)
Барвиха, 1960-е гг.



Не зря Раневская острила: «Я переспала со всеми театрами Москвы, но ни с одним не получила удовольствия». Возможно, именно поэтому шутки Фаины Георгиевны были такими меткими, хлесткими и такими пессимистичными. Отчаявшемуся человеку остается только одно – шутить.

В кино Раневская снималась гораздо чаще, чем играла в театре, но ее киносудьба отчасти напоминает зеркальное отражение судьбы театральной. Все та же разборчивость – фраза Фаины Георгиевны:

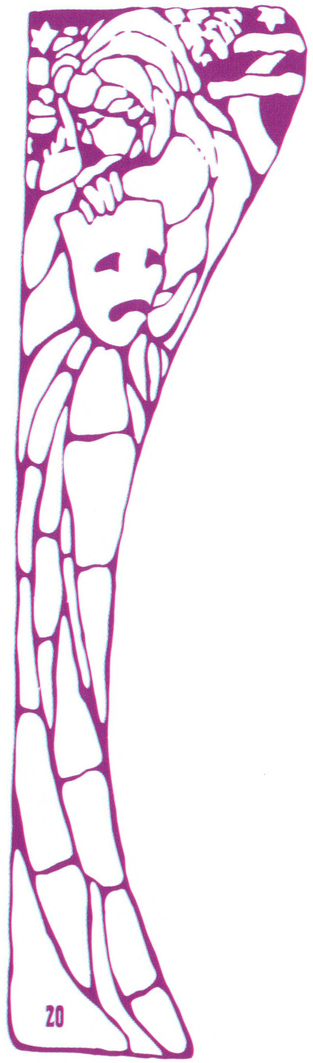
«Сняться в плохом фильме — все равно, что плюнуть в вечность» тут же пошла в народ. То же отсутствие крупных и серьезных ролей. Кино принесло Раневской только славу комедийной и характерной актрисы. Мастера эпизода, способного превратить даже короткий фрагмент в полноценную роль.

Эта способность бросается в глаза уже в самой первой ее картине – немом фильме «Пышка», снятом Михаилом Роммом в 1934 году. Раневская в нем прекрасно обходится

«Гастроли Моссовета в Одессе, год не помню»
«В гостях у морячков. Фуражку... подарили»
(Ф. Раневская)

без слов. Сыгранная ею немолодая и потрепанная госпожа Луазок так откровенно ревнует мужа к молоденькой проститутке по прозвищу Пышка и так недвусмысленно завидует красоте и молодости своей соперницы, что ее чувства предельно ясны.

Казалось, что на экране она вообще ничего не играла, а просто понимая, что движет поступками того или иного человека, начинала жить его жизнью. «Я не понимаю, что такое играть. Это слово, по-моему, даже не подходит к нашему делу. Жить



в образе человека, создавать его, а никак не играть», – говорила Раневская в своем последнем телеинтервью.

Кино подарило ей чеховские роли. Хотя и тут все получилось не так, как мечтала актриса. Фаина Георгиевна воспринимала Чехова, прежде всего, как трагического писателя. Она не раз рассказывала, как ее детство закончилось после того, как она прочитала чеховскую «Скучную историю» и «поняла все об одиночестве человека». Но играть в кино ей пришлось только его комедийных

героинь. Скупердяйку Настасью Тимофеевну из телеспектакля «Свадьба», которая мечтает и дочь повыгоднее замуж выдать, и как можно меньше на свадьбу потратиться. Мужеподобную Мурашкину из «Драмы», донимающую известного драматурга пьесой своего собственного сочинения, занудную жену инспектора из фильма «Человек в футляре».

В кино Раневская стала играть с актерами МХАТ, с которыми всегда мечтала поработать. Кинорежиссеры вообще вели себя мудрее, чем

режиссеры театральные. Они предоставляли актрисе гораздо больше свободы. Рассказывают, что в первом варианте сценария фильма «Весна», который показал Фаине Георгиевне режиссер Григорий Александров, у ее Маргариты Львовны было всего несколько реплик. Она появлялась на экране всего один раз, чтобы подать чаю своей ученой племяннице. Но Александров разрешил Раневской сочинить себе роль, и она подарила зрителям и «Льва Маргаритовича» (так называет себя Маргарита, вызывая

Фаина Раневская в роли Маргариты Львовны
1947 г.

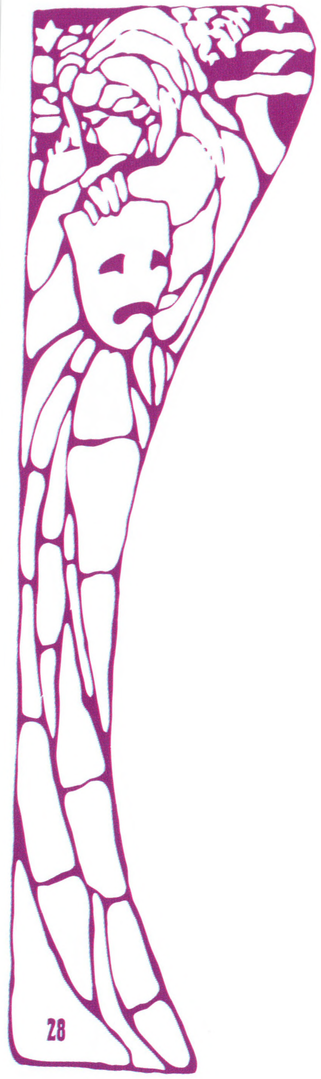
Обнимает мать, рядом брат и племянники
Румыния, 1957 г.

скорую), и ставшую крылатой фразу: «Красота – страшная сила». Буквально из ничего возник незабываемый эпизод с тапершей из фильма «Александр Пархоменко», в котором Раневская успевает петь, жевать и бросать томные взгляды.

Еще одну крылатую фразу «Муля, не нервируй меня» из фильма «Подкидыш» Раневская тоже придумала сама. И поплатилась за это. Фильм был снят в далеком 1939 году, но еще как минимум лет тридцать дети на улице дразнили Раневскую

«Мулей». Когда Фаина Георгиевна шутила на экране, она завораживала зрителя своей интонацией: не зря многие шутки актрисы, записанные на бумаге, кажутся вовсе не такими смешными. Для каждой из своих героинь актриса придумывала особый голос и манеру говорить. Они то «мурлыкали», то «урчали», то чеканили слова, как мачеха из «Золушки». Можно забыть сюжет картины, в которой снималась Раневская, смысл появления на экране ее героини, но в память навсегда врезаются

«Ф. Раневская, Любочка Орлова. Новый год на даче у Александрова. Год не помню, кажется 72» (Ф. Раневская)



две-три фразы, которые она экзальтированно произносит или небрежно роняет.

Записи Раневской на радио продолжают эти эксперименты. В радиоработах актриса пользуется возможностью «лепить» образ только голосом, перепадами звуков объясняя все тонкости характера своих героинь. Слушая голос Фаины Георгиевны, как будто оказываешься в одном пространстве с ее персонажами. Видишь нарисованные ее голосом картины и встре-

чаешь описанных ею людей. Удивляешься ее способности наполнить жизнью каждое слово, создать ни на что не похожий, но в то же время живой и с первых звуков узнаваемый характер. На радио у Раневской ни разу не возникало проблем с дикцией, к которой порой придирались театральные режиссеры. В записях каждая фраза звучит предельно четко, внятно и наполнена смыслом.

Радиозаписей у Раневской немного: ее «роман с эфиром» начался

Комарово, 1964 г.

только в 50-х годах и продолжался не очень долго.

Жаль, что она никогда не читала и не записывала на радио любимого ею Пушкина, стихи Ахматовой и Цветаевой. Но Фаина Георгиевна, по обыкновению, не настаивала: она вообще никогда ничего для себя не просила и с презрением смотрела на актрис, вырывающих себе роль, что называется, «когтями и зубами». Режиссеры же радио были ленивы и нелюбопытны. Поэтому в радиозаписях Раневская, прежде всего, яркая

комедийная героиня. Точь-в-точь такая же, как в кино. Но в эфирном режиме ее голос звучит еще выразительнее и характернее: актриса как будто рисует своих героинь масляной краской «кислотной» расцветки.

Больше всего в радиозаписях Чехова: героини Раневской запоминаются буквально с первого звука. Послушав, как графоманка Мурашкина из «Драмы» утробно гудит, уговаривая известного писателя послушать-таки плод ее литературных трудов, понимаешь, как ее

«Рита Терехова, Раневская, Плятт» (Ф. Раневская)
1973–1974 гг.

монотонно жужжащий голос мог довести писателя до бешенства.

Сварливая старуха, которая на чем свет честит мужа за то, что тот не сумел получить от ветеринара лекарства для индейского петуха (рассказ «Индейский петух»). Вздорная старая дева – свояченица героя рассказа «Неосторожность», которая подозревает весь мир в обмане и всех без исключения мужчин считает подлецами. Эти рассказы Раневская читает со своими любимыми партнерами по театру и кино –

замечательными актерами Ростиславом Пляттом и Осипом Абдуловым, превращая их в полноценные театральные спектакли.

Раневская пробовала играть на радио то, чего не играла никогда. Казалось бы, чем может привлечь ее выразительная, чуть тягучая, русская по сути своей проза Лескова? Но Раневская блестяще осваивает ее в записи «Воительницы». Проза Лескова звучит у актрисы мелодично, как в старинных былинах, и в то же время так естественно, как

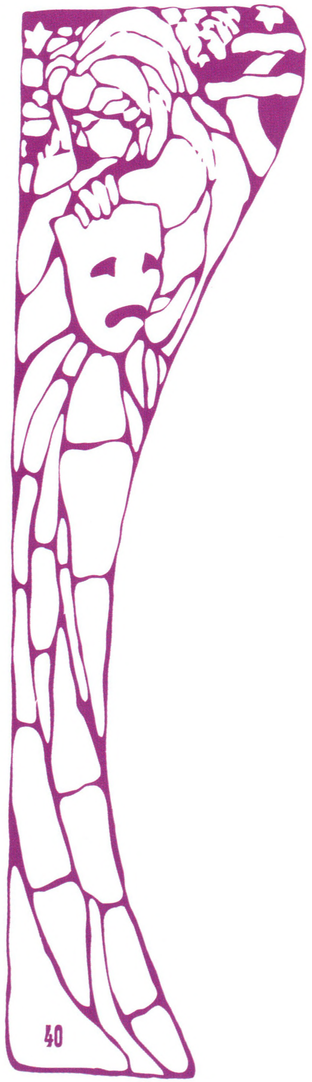
«Плятт, Саввина, Раневская, Марецкая, Завадский и шпана-дирекция»
(Ф. Раневская)
1974 г.

будто она всю жизнь говорила только таким языком. Героиня Раневской попадает в комичную ситуацию, но вызывает, прежде всего, сострадание и жалость. Ее фраза «много я на свете видела всякого горя, много я обид приняла» в этой радиозаписи звучит как эпиграф к жизни самой Фаины Георгиевны.

Книга о том, как работала Раневская на радио, до сих пор не написана. Но один любопытный факт стоит отметить. Среди хлестких афоризмов Раневской в народ не ушло

ни одного, посвященного радио. Возможно потому, что, рисуя голосом целые картины, актриса осталась довольна своей работой.

«Прогулка в Кремле» (Ф. Раневская)
1976 г.



ФАИНА РАНЕВСКАЯ

1	А.П. Чехов. Индейский петух	7.35
2	А.П. Чехов. Драма	12.07
3	А.П. Чехов. Неосторожность	10.00
4–8	Н.С. Лесков. Воительница (фрагменты)	25.19
	Общее время звучания:	54.15

Записи: 1950 (2), 1963 (4–8), 1964 (1, 3) гг.

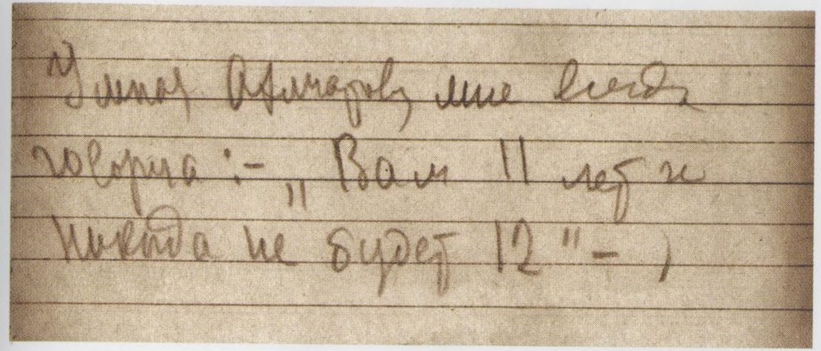
Ф. Раневская (1–8)
О. Абдулов (1–3)
Р. Плятт (1–3)
К. Михайлов (1)

Ремастеринг – Н. Радугина
Редакторы – А. Плешакова, Н. Пшеничная
Автор текста – Е. Лазарева
Дизайн – И. Крюков
Верстка – М. Касьян
Корректор – А. Борисова

Руководитель проекта – К. Абрамян

ISBN 978-5-87107-270-7

В оформлении буклета использованы фотоматериалы, предоставленные РГАЛИ.
℗ ФГУП «Фирма Мелодия», 2011
© ЗАО "Издательский дом "Комсомольская правда", 2011



Автограф
Весна 1948 г.

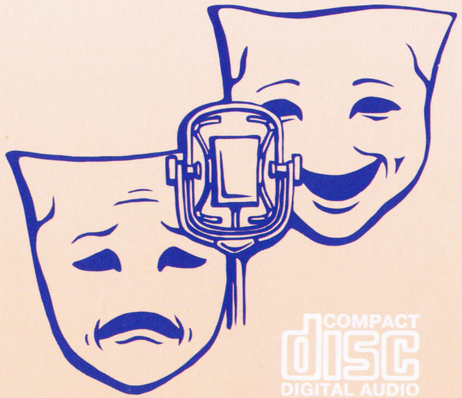
Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных издательством материалов в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

ВЕЛИКИЕ ИСПОЛНИТЕЛИ
ТОМ 1

ФАИНА РАНЕВСКАЯ

А.П. ЧЕХОВ
Индейский петух
Драма
Неосторожность

Н.С. ЛЕСКОВ
Воительница
(фрагменты)



COMPACT disc DIGITAL AUDIO